

Глава 15: Успокаивающий сбор

В первое же мгновение пробуждения Пэй Ду ощутил неладное.

Он замер, а затем, сжав губы, осторожно запустил руку под ворот распахнувшейся ночной рубашки и извлёк оттуда тёплый птичий комочек.

Шэнь Цзюцзю, смирно устроившийся в ладони, лишь вяло пискнул при виде проснувшегося хозяина и снова понуро опустил головку.

Пэй Ду на мгновение застыл, силясь прогнать незнакомое ощущение мягкого тепла у сердца. Убедившись, что не придавил и не ранил птенца, он бережно переложил его на подушку и сел, поправляя одежду.

Шэнь Цзюцзю, сжавшись в комочек, словно цыплёнок, сидел у края подушки. Когда Пэй Ду обернулся, он увидел, как этот обычно неугомонный и жизнерадостный птенец с ожесточением клюёт вышитый узор на наволочке.

— Что случилось? — спросил Пэй Ду, окончательно убедившись, что с птенцом творится что-то неладное.

Шэнь Цзюцзю выпрямился, с досадой открыл клюв, будто хотел заговорить, но не мог. Его лапки скребли по шёлковой простыне, оставляя скомканные следы. В конце концов, он лишь тихо пискнул.

Его догадки подтвердились: Суй Цзымин погибнет именно во время того самого ограбления в горах.

Дом князя-защитника, конечно, не представлял серьёзной угрозы, но сумма была огромной, а деньги доставались даром. Партия князя У, предчувствуя подвох, наверняка догадалась, что на это серебро положили глаз и другие силы.

И вот, наследник князя, тот самый баловень судьбы, достиг совершеннолетия, и это дело стало для его отца прекрасной возможностью закалить сына, позволить ему «понюхать пороху».

Суй Цзымин был силён, и не только по меркам своих сверстников. В свои двадцать с небольшим он уже пользовался непререкаемым авторитетом в армии, что говорило о его недюжинной силе и уме.

Но противником его оказался не кто иной, как главный герой романа — баловень судьбы, которому всегда сопутствовала удача и на помощь приходили могущественные покровители.

Шэнь Цзюцзю посмотрел на свои крохотные лапки и короткие крылья.

За прошедшие полтора десятка лет Шэнь Синэнь испробовал всё. Он был твёрдо уверен: ни рассказать, ни записать что-либо, касающееся сюжета книги, невозможно.

Теперь же, став Шэнь Цзюцзю, он чувствовал, что незримые пути стали лишь крепче.

Конечно, он мог бы обучить Пэй Ду шифру, понятному лишь им двоим, но не было никакой гарантии, что, если кто-то другой разгадает его, все следы, оставленные Шэнь Синэнем, не исчезнут.

Вдруг и сны тоже пропадут?

Он не знал, почему после сна рядом с Пэй Ду к нему стали возвращаться воспоминания, но они были жизненно важны.

Проснувшись после вчерашнего сна, Шэнь Цзюцзю кое о чём задумался.

Если Шэнь Синэнь знал о грозящей матери беде и так переживал из-за этого, он не мог сидеть сложа руки.

Однако после исчезновения Се Цзинтан он оставил все дела, связанные с её лавками и предприятиями в Цзиньлине, и отправился с людьми князя-защитника на север, в столицу.

Исчезновение.

Внезапно это слово наполнилось для Шэнь Цзюцзю неведомым доселе чувством покоя. Оно означало неизвестность, но вместе с тем и безграничную надежду.

Дом князя-защитника сейчас отчаянно нуждался в деньгах. Это могло означать лишь одно: поля и лавки его матери, скорее всего, не попали в руки его так называемого отца. Мать или сам Шэнь Синэнь успели их куда-то перевести или распорядиться ими иначе.

Судьба матери изменилась. А значит, думал Шэнь Цзюцзю, и смерть Суй Цзымина можно предотвратить.

Здесь определённо должна быть лазейка.

При этой мысли Шэнь Цзюцзю встрепенулся. Глубоко вдохнув и расправив грудь, он повернулся к окну и во всю мощь своих птичьих лёгких издал протяжный крик:

— Цзю-у-у-у-у! Цзю-цзю-у-у!

Пэй Ду, уже одетый и умытый, посмотрел на птичий комочек, который, казалось, бросал вызов небесам, и жестом отпустил служанку.

Выругав коварную судьбу, Шэнь Цзюцзю стряхнул с себя утреннюю апатию и, полный решимости, зашагал к Пэй Ду. За его спиной будто пылал огонь борьбы.

Пэй Ду молча наблюдал. Этот настрой был ему знаком — с таким же видом Шэнь Цзюцзю предпринял свою первую ночную вылазку к нему в постель.

Пэй Ду решил сегодня держаться от птенца на безопасном расстоянии.

— У меня сегодня дела в переднем дворе. Останешься здесь или пойдёшь в кабинет? — спросил он.

Шэнь Цзюцзю поднял лапку, давая понять, что намерен писать эссе.

Такое рвение удивило Пэй Ду.

— Не торопись с эссе, можешь писать понемногу.

Он понимал, как тяжело птенцу выводить иероглифы лапками.

Шэнь Цзюцзю взмахнул крылом, отступил на два шага, с разбегу запрыгнул на протянутую ладонь Пэй Ду и громко пискнул, поторапливая его.

Птенец не шутил. Ему нужно было срочно найти способ спасти человека!

К счастью, Суй Цзымин, скорее всего, ещё несколько дней будет выжидать действий от дома князя-защитника... Эх, если бы только он сам мог следить за ними! Это было бы куда быстрее, чем пытаться угадать следующий шаг Суй Цзымина.

Постойте-ка.

Он ведь теперь Шэнь Цзюцзю.

Он — птица!

А раз он — птица, то, как и с А Са, он может общаться и с другими пернатыми!

А кто справится со слежкой лучше, чем вездесущие птицы, на которых никто не обращает внимания?

Глаза Шэнь Цзюцзю загорелись. Он взглянул на свои лапки и крылья, вспорхнул с ладони Пэй Ду и вприпрыжку помчался в сторону сада.

Издали он походил на скачущий пушистый мячик.

Шэнь Цзюцзю всё-таки был не настоящей птицей, и Пэй Ду не собирался держать его взаперти, как домашнего любимца. Он лишь подозвал слугу и велел:

— Присмотри за ним. Если ему что-то понадобится, сделай, как он скажет.

Слуга почтительно поклонился и последовал за скачущим комочком шерсти, ничуть не удивившись и не выказав пренебрежения к тому, что ему предстояло прислуживать птице.

Служанка принесла надушенный благовониями халат и помогла Пэй Ду одеться. Омыв руки, он неспешно направился в передний двор.

...

— Господин, — доктор Цзинь, пришедший для планового осмотра, уже давно ждал в переднем дворе. Увидев Пэй Ду, он поспешно поднялся и поклонился.

Опытный лекарь, ещё не прикоснувшись к пульсу, уже заметил перемены в своём пациенте.

Страдающие от ночных кошмаров и бессонницы люди редко могли скрыть изнуряющую усталость, а внезапные приступы головной боли лишь усугубляли их мучения. Со временем это изнуряло тело и даже меняло характер.

Но сегодня Пэй Ду выглядел на удивление отдохнувшим. Глубоко залёгшая в его глазах тень усталости и уныния почти рассеялась, уступив место едва заметной искорке смеха.

Когда у Пэй Ду начались приступы, он тайно и явно обращался ко многим лекарям, даже к придворным, но облегчения не наступало.

Позже Суй Цзымин случайно услышал о докторе Цзине, славившемся своим умением лечить головные боли, и, приложив немало усилий, уговорил его приехать в резиденцию Пэй.

Хотя доктор Цзинь не мог полностью излечить Пэй Ду от его недуга, с помощью лечебных

отваров и успокаивающего сбора ему удавалось облегчить его состояние, позволяя хоть немного спать и избегать мучительных приступов.

Если бы не его старания и постоянная корректировка рецептов, состояние Пэй Ду было бы куда хуже.

— Садитесь, господин Цзинь, не стоит церемоний.

Пэй Ду всегда с уважением относился к лекарю. Он шагнул вперёд и поддержал его, не дав поклониться.

Но доктор Цзинь, в свою очередь, схватил его за запястье и прижал пальцы к пульсу, в своём рвении позабыв о приличиях.

Отпустив руку, он спросил:

— Господин, вы принимали в последнее время какое-то сильнодействующее лекарство?

Лекарь прекрасно знал состояние своего пациента, а господин Пэй всегда неукоснительно следовал его предписаниям. Вчера доктор узнал, что тот прекратил использовать успокаивающий сбор, и потому сегодня с самого утра поспешил на осмотр.

— Лекарств не было, — Пэй Ду задумчиво провёл пальцами по краю стола и медленно произнёс, — зато в доме появилась маленькая птаха.

Доктор Цзинь, поглаживая бороду, погружился в раздумья.

— Я, конечно, предполагал, что домашний питомец мог бы облегчить ваше состояние, но чтобы эффект был таким скорым и явным...

Пэй Ду помолчал, легонько массируя виски.

— Птенец этот — сущий сорванец, — с тёплой усмешкой проговорил он. — Шумный и днём, и ночью. С ним некогда предаваться пустым размышлениям. Порой, когда удаётся наконец забыться сном, он умудряется разбудить меня взмахом крыла, право слово...

Хоть Пэй Ду и говорил о птенце, в его голосе отчётливо слышались нежность и покровительство. Врач его возраста был человеком проницательным и, поняв его отношение, тут же отбросил мысль попросить взглянуть на птицу.

— Должно быть, у вас с этим птенцом особая связь, — сменил он тему. — Головные боли часто рождаются от душевных терзаний. Когда на сердце легко, дух спокоен, и ночные страхи отступают. К тому же, успокаивающий сбор, хоть и полезен, всё же является лекарством и может вызвать привыкание. Не желаете ли вы попробовать на время отказаться от него?

На этот раз Пэй Ду промолчал.

Ещё когда доктор Цзинь впервые составил для него этот сбор, он предупреждал, что со временем потребуется увеличивать дозу, так как организм привыкнет. А когда благовония перестанут действовать, приступы вернуться с новой, невыносимой силой.

Тогда у Пэй Ду не было выбора.

А сейчас...

Успокаивающий сбор вызывает привыкание. Но кто знает, не станет ли этот птичий комочек его новой зависимостью, от которой он уже не сможет отказаться?

Такая неопределённость была для Пэй Ду слишком опасна.

Со стороны могло показаться, что выбор очевиден: заменить вызывающее зависимость лекарство на птицу.

Но Шэнь Цзюцзю был не просто птицей, и Пэй Ду не мог с лёгким сердцем держать его при себе лишь ради собственного исцеления.

Доктор Цзинь заметил его колебания и, как лекарь, не удержался от совета:

— Господин, любое лекарство — это яд. Лучше отказаться от него как можно скорее.

Пока Пэй Ду был на приёме у врача, Шэнь Цзюцзю в саду созывал птиц.

Жестами он показал слуге, чтобы тот рассыпал на земле просо и зерно, а затем, хлопнув его крылом по штанине, велел отойти подальше.

Слуга смотрел на Шэнь Цзюцзю и не мог надивиться, какой же он милый и сообразительный. Он невольно протянул руку, чтобы погладить птенца, но тут же одёрнул её, вспомнив, что это питомец хозяина.

Заметив его движение, Шэнь Цзюцзю великодушно подставил ему головку.

— Цзю-цзю-цзю, цзю-цзю-цзю-цзю?

Спасибо за помощь, хочешь погладить меня по головке?

Слуга, конечно, не владел птичьим языком так, как господин Пэй, но весь вид птенца, каждое его пёрышко, казалось, кричало: «Я знаю, что я очарователен, так гладь же меня скорее».

И слуга, осмелев, легонько коснулся кончиков его крыльев.

Когда он отошёл, Шэнь Цзюцзю размял крылья и лапки и вприпрыжку направился к рассыпанному зерну.

Ухоженный пушистый комочек неторопливо клевал зёрнышки, время от времени подбегая к пруду и делая вид, что пьёт.

Воду из пруда он, конечно, пить не стал бы, но для вида можно было и притвориться.

Вскоре в сад стали слетаться другие птицы, в основном невзрачные серые воробышки, на которых прохожие и внимания бы не обратили.

Сбившись в стайки, они клевали зерно, с опаской и любопытством поглядывая на своего нарядного длиннохвостого собрата.

Шэнь Цзюцзю, следуя птичьему этикету, которому он научился у А Са, легонько приподнял одно крыло, демонстрируя мягкое оперение на брюшке — знак отсутствия враждебных намерений, — и издал мягкий, весёлый щебет.

— Цзю-цзю~

□Приветствую вас~□

<http://bllate.org/book/13669/1210578>